

УДК 1(16)

ГРЭМ ПРИСТ О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПОНЯТИЯ НОУМЕНА У КАНТА

О. А. Доманов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
odomanov@gmail.com

Аннотация. Грэм Прист в книге «За пределами мысли» утверждает, что понятие ноумена у Канта содержит истинное противоречие, состоящее в том, что Кант одновременно отрицает возможность выносить суждения о ноуменах, но сам, тем не менее, их выносит. При этом Прист основывается не просто на эпистемической, а на утверждаемой им концептуальной недоступности ноумена («пределе выразимости»). Однако используемые им понятия феномена, ноумена, познания, трансцендентальной идеи и др. являются существенно упрощенными по сравнению с кантовскими и часто не позволяют адекватно передать нюансы взглядов Канта. Ограничения познания ноуменов у последнего относятся к эмпирическому знанию и не исключают их познания вообще, в частности, трансцендентального. В то же время применимость понятий рассудка не ограничена феноменами, и Кант фактически применяет их за пределами опыта, полагая предметы «в идее». Упрощения Приста не позволяют также описать специфический характер трансцендентальной идеи у Канта, имеющей форму феномена, но не сводящегося ни к феномену, ни к ноумену. В результате, тезис Приста об искомом им противоречии в понятии ноумена у Канта оказывается необоснованным.

Ключевые слова: ноумен, феномен, истинное противоречие, Прист, Кант.

Для цитирования: Доманов, О. А. (2024). Грэм Прист о противоречивости понятия ноумена у Канта. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 2. С. 18-25. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.18-25

GRAHAM PRIEST ON THE CONTRADICTION IN KANT'S NOUMENON

O. A. Domanov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
odomanov@gmail.com

Abstract. Graham Priest in *Beyond the Limits of Thought* claims that the notion of noumenon in Kant contains a true contradiction consisting in that Kant simultaneously denies the possibility of making judgments concerning noumena and makes nevertheless those judgments. That said, Priest relies on the not merely epistemic, but conceptual inaccessibility of noumena ('the limit of expression'). However the notions of phenomena, noumena, cognition, transcendental idea and others that he uses are very simple in comparison with those of Kant and often do not allow him to adequately express the subtleties of Kants' viewpoint. Limitations in the cognition of noumena are connected with the empirical knowledge and do not exclude their knowledge in general, in particular transcendental investigations. At the same time the applicability of the concepts of understanding is not limited by phenomena and Kant in fact applies them beyond the experience when posits objects 'in idea'. Priest's simplifications also prevent him from characterizing the peculiar character of transcendental idea in Kant having the form of phenomenon but reducible neither to phenomena, nor noumena. In conclusion, Priest's thesis about the contradiction in the notion of noumenon in Kant proves to be unfounded.

Keywords: noumenon, phenomenon, true contradiction, Priest, Kant.

For citation: Domanov, O. A. (2024). Graham Priest on the contradiction in Kant's noumenon. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 2. Pp. 18-25. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.18-25

В книге «За пределами мысли» [Прист, 2022] Грэм Прист ставит своей целью показать, что различные философские концепции, встречающиеся в истории (Аристотеля, Канта, Хайдегера и мн. др.) содержат в себе истинное противоречие, т.е. противоречие, указывающее не на ошибки и непоследовательность соответствующих философов, а на ограничения мышления как такового, которое само ставит себе пределы и само же их неизбежно пересекает. Вероятно, наиболее близко Прист подходит к реализации своей цели в главах о Канте. Он утверждает, что с Кантом (а также с Гегелем, которому посвящена следующая глава книги) мы впервые встречаем теоретизацию той противоречивой природы мышления, о которой идет речь. Не ставя под вопрос проект Приста в целом, мы рассмотрим в этой статье насколько его аргументы действительно применимы к философии Канта.

Прист опирается на тексты «Критики чистого разума» и «Пролегомен». Эти тексты нельзя назвать в полной мере непротиворечивыми и последовательными. Они содержат взгляды Канта довольно продолжительного времени, в течение которого они основательно менялись, в том числе под влиянием критики. Как известно, на его противоречия и непоследовательности указывали уже современники Канта, и он попытался на них ответить, в частности, во втором издании «Критики». Вряд ли поэтому мы сможем составить себе непротиворечивую картину мышления Канта, нас интересует более скромная задача: понять, имеются ли у Канта важные для Приста пределы мысли, т.е. противоречия в самом содержании мышления, которые невозможно избежать, и, если они имеются, не разрешает ли их пусть не всегда последовательно сам Кант.

Прист следующим образом формулирует противоречие в понятии ноумена у Канта: «Поскольку человек не может выносить суждения о ноуменах, он, следовательно, не может думать (мыслить–ОД) о них. Следовательно, ноумены – это именно объекты, которые находятся за пределами постигаемого (Трансцендентность). И все же ясно, вынести какое-либо суждение о ноумене, как это часто делает Кант, – значит помыслить о нем (Замыкание)» [Прист, 2022, с. 143-144]. Здесь противоречие имеет форму так называемой Схемы Вложения – общей схемы, которую Прист обнаруживает в обсуждаемых в книге концепциях. Она возникает как результат анализа парадоксов и, говоря в общих чертах, содержит некую область и объект, который одновременно входит в эту область (Замыкание) и выходит за ее пределы (Трансцендентность). В данном случае утверждается, что ноумены одновременно постигаются и не постигаются, мыслятся и не мыслятся. Рассмотрим, насколько правомерен этот тезис.

Начнем с первой части – утверждения о немислимости ноуменов у Канта. Оно опирается на убеждение Приста в том, что категории у Канта применимы исключительно к феноменам, а не к ноуменам. При этом он определяет феномены как «вещи», которые воспринимаются чувствами, а ноумены – как все остальные «вещи» [Прист, 2022, с. 132]. В качестве примеров ноуменов он приводит Бога, мир и душу. Ноумены Прист также не отличает от вещей самих по себе. Эти определения, однако, являются существенным упрощением. У Канта встречается несколько очень близких понятий – вещь сама по себе, ноумен, трансцендентальный объект, а кроме того трансцендентальные идеи, к которым относятся Бог, мир и душа. Прист их отождествляет, хотя фактически вопрос их сходства и различия у Канта довольно сложен. Нас, однако, интересует сейчас лишь один аспект: насколько это смешение влияет на обоснование основного тезиса Приста

об истинном противоречии в самом понятии ноумена. Кант, действительно, утверждает, что ноумены недоступны познанию, поскольку у нас нет относящихся к ним созерцаний. О каком, однако, познании идет у него речь?

Прежде всего, нужно заметить, что чувственность у Канта имеет более сложную структуру, чем предполагает Прист. Чувственность – это способность человека получать созерцания, которые могут быть эмпирическими, если относятся к предмету посредством ощущения, или чистыми, если в них нет ничего от ощущения. Феномены – это предметы именно эмпирических созерцаний [Кант, 2006, с. 90-91], поэтому их определение у Приста не вполне точно. Например, пространство и время как предметы чистых созерцаний не являются ни феноменами, ни ноуменами. Но для нас более важно то, что для Приста в ноуменах существенна не просто эпистемическая, а концептуальная недоступность: к ним принципиально неприменимы категории или понятия рассудка. Иначе говоря, Прист утверждает, что категории Канта применимы *только* к феноменам [Прист, 2022, с. 136]. Кант, действительно, обсуждает пределы применимости категорий к предметам. Однако § 22 «Критики чистого разума», в котором это происходит, имеет название «Категория не имеет никакого иного употребления для познания вещей, кроме применения к предметам опыта» [Кант, 2006, с. 220]. Слова «для познания» здесь существенны. Параграф начинается с предложения: «Мыслить себе предмет и познавать предмет не есть, следовательно, одно и то же». Кант далее утверждает, что категории должны применяться только к предметам опыта, лишь в тех случаях, в которых мы претендуем на познание. Если же нам достаточно только мыслить, то это ограничение не обязательно. Более того, при обсуждении результатов трансцендентальной диалектики Кант говорит, что мы имеем право снять эти ограничения для полагания предметов трансцендентальных идей – хотя и не абсолютно, а только в идее [Кант, 2006, с. 861]. С точки зрения Приста, это различие Кантом познания и мышления не спасает ситуацию, так как само мышление ноуменов оказывается невозможным, поскольку о них нельзя вообще ничего высказать [Прист, 2022, с. 141-142]. Мы видим, что у Канта мышление ноуменов возможно, а у Приста – нет. Чтобы разобраться в этом подробнее, рассмотрим один из аргументов Приста.

Прист утверждает, что, согласно Канту, применение категорий требует схем, а поскольку все схемы оказываются темпоральными и время относится к феноменам, а не к ноуменам, то применять категории к последним невозможно в принципе [Прист, 2022, с. 137 и сл.]. Кант действительно говорит нечто подобное в «Критике». Однако есть и отличие. Он выделяет два способа употребления понятий рассудком – трансцендентальное, т. е. применение к вещам самим по себе, и эмпирическое, т. е. применение к явлениям или предметам возможного опыта [Кант, 2006, с. 395]. При этом он утверждает: «... все свои основоположения *a priori* и даже понятия рассудок может употреблять только эмпирически и никогда не трансцендентально» ([Там же с. 395], см. также [Там же, с. 401]). Вопрос, однако, состоит в том, что означает здесь употребление, поскольку ниже Кант говорит: «... чистые категории, без формальных условий чувственности, имеют только трансцендентальное значение (Bedeutung), но не имеют никакого трансцендентального употребления (Gebrauch)» [Там же, с. 403]. Другими словами, выражение возможно, но его нельзя употреблять для познания. Кант различает, таким образом, значение и употребление, и только последнее запрещено для категорий в отношении ноуменов. Другими словами, мы имеем здесь именно эпистемическое,

а не концептуальное препятствие, вопреки Присту: мы, люди, не имеем созерцаний ноуменов, но это не значит, что такие созерцания в принципе невозможны. Какие-то другие существа, например, обладающие интеллектуальным созерцанием, возможно, могли бы применять категории к ноуменам, хотя знать об этой возможности мы не можем. Когда Кант говорит, что понятия рассудка нельзя относить к вещам самим по себе, то речь идет не о принципиальной невозможности («пределе выражения»), а о невозможности получить таким образом знание. Само по себе такое применение категорий не является невозможным, нужно лишь понимать, что оно не приводит к знанию.

К сожалению, Кант не всегда последователен в различении значения и употребления и даже в данном тексте часто говорит о значении как эмпирическом. Однако о невозможности мышления вещей самих по себе у него вряд ли можно говорить. Хотя понятия предоставляют лишь логическую форму, и без эмпирических данных они являются лишь «игрой представлений», эта игра не есть ничто. Нужно заметить, что категории вообще могут быть выведены без обращения к чувственности, и Кант предупреждает здесь о возможной иллюзии. Категории представляют собой формы деятельности субъекта, т. е. формы действий рассудка, которые он совершает в ходе синтеза суждений из понятий, а также представлений из любых других представлений. Именно эта независимость от чувственности позволяет им выходить за ее пределы и впасть в антиномию: «Поэтому категории простираются дальше [сферы] чувственного созерцания настолько, насколько они мыслят объекты вообще, не обращая внимания еще и на особый вид (чувственности), каким они могут быть даны» [Кант, 2006, с. 409]. Устранение созерцания оставляет все же форму мышления, поэтому говорить здесь о пределе *выражения* вряд ли допустимо. Нет никакого противоречия в применении категорий к ноуменам пока мы признаем, что не получаем тем самым никакого знания.

Перейдем ко второй части утверждения Приста: рассмотрим, какие суждения Кант выносит (если выносит) о ноуменах как предметах. Начнем с рассмотрения понятия ноумена у Канта. Он указывает, что мы имеем здесь двусмысленность: «Если под ноуменом мы разумеем вещь, *поскольку она не есть объект нашего чувственного созерцания*, так как мы отвлекаемся от нашего способа созерцания ее, то такой ноумен имеет *негативный* смысл. Если же под ноуменом мы разумеем *объект нечувственного созерцания*, то мы допускаем особый способ созерцания, а именно интеллектуальное созерцание, которое, однако, не свойственно нам и даже сама возможность которого не может быть усмотрена нами; такой ноумен имел бы *положительный* смысл» [Кант, 2006, с. 406-407]. И далее: «... то, что мы назвали ноуменами, мы должны понимать исключительно лишь в *негативном* смысле» [Там же, с. 408]. Учение о чувственности есть учение именно о таких ноуменах¹. Ноумен в этом смысле, действительно, находится «за пределами выражения», с чем согласен и Кант. Он прямо говорит, что такой ноумен не есть «особый умопостигаемый [интеллигибельный] предмет для нашего рассудка» [Там же, с. 411]. Однако это понятие

---

¹ Этот текст был добавлен Кантом во втором издании в ответ на критику его понятия ноумена. К сожалению, прежнее понимание ноумена можно найти в других его текстах. Например, в «Пролегоменах» Кант понимает под ноуменами умопостигаемые предметы – «чистые интеллигибельные (вернее, мысленные) сущности» [Кант, 1994, с. 93]. Более того, там же он прямо называет трансцендентальные идеи ноуменами [Там же, с. 94]. Нас сейчас, однако, интересуют не непоследовательности в мысли Канта, а возможное наличие пределов мышления в понятии ноумена.

относится не столько к вневещному, сколько к чувственному; оно говорит не о ноуменах, а о феноменах – об их конечности. Действительно: «... понятие ноумена есть только демаркационное понятие (Grenzbegriff), служащее для ограничения притязаний чувственности и потому имеющее только негативное употребление. Однако оно не вымышлено произвольно, а связано с ограничением чувственности, хотя и не может установить ничего положительного вне сферы ее» [Кант, 2006, с. 410]. Это, таким образом, характеристика феноменального мира. Понятие ноумена возникает, поскольку о чувственности нельзя утверждать, что она – единственно возможный способ созерцания. Оно обозначает невозможность доказать отсутствие других способов созерцания помимо чувственности. Остается открытым вопрос о том, как конкретно выглядит это понятие, а также о том, какая познавательная способность за него ответственна (это рассудок? тогда какие категории он использует?). Но в любом случае, для ноумена в этом смысле аргументация Приста не работает. О нем, как о предмете, и даже о его возможности, Кант отказывается что-либо утверждать, поэтому к нему неприменима формулировка противоречия Приста, которую мы видели выше. Таким образом, понятие ноумена в негативном смысле (которое, напомним, Кант считает единственно правильным) не содержит того противоречия, которое ему приписывает Прист.

Тем не менее, в понятии трансцендентальных идей, как кажется, речь идет о некотором положительном знании ноумена. Так ли это?

Трансцендентальной идеей у Канта называется «необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [Кант, 2006, с. 493]. Она определяется как тотальность условий для данного обусловленного [Там же, с. 489]. Например, если условия задаются категорией причинности, то идеей является мир как тотальность причинных условий. Поскольку такая тотальность нам недоступна в опыте, то мы не знаем, является ли она бесконечной последовательностью или останавливается на некоторой первопричине. Прист полагает, что такие идеи относятся у Канта к ноуменам или вещам самим по себе. Это отчасти верно, и у Канта мы можем найти об этом прямые указания. Однако в то же время Кант сталкивается с трудностями в проведении такого взгляда и предлагает способы их разрешения. Эта более аккуратная разработка понятия идеи показывает ее специфический характер, отличающий ее как от ноумена, так и от феномена.

Действительно, Кант различает предметы, данные абсолютно и в идее: «В первом случае мои понятия направлены на то, чтобы определить предмет, а во втором мы имеем дело в действительности только со схемой, для которой не дан прямо и также гипотетически никакой предмет, и которая служит только для того, чтобы представлять нам другие предметы в их систематическом единстве посредством отношения к этой идее, стало быть, косвенным образом» [Кант, 2006, с. 855]. Это косвенное отношение есть регулятивное применение идеи, при котором мы поступаем, как если бы мир имел причину, существовало бы высшее существо и т. д. С одной стороны, Кант описывает идеи не как предметы, а как всего лишь схемы, призванные направлять наше познание к некоторому систематическому единству (в котором для Канта состоит идеал науки вообще). Однако, с другой стороны, для своего функционирования такая схема требует некоторого предмета [Там же, с. 868]. Поскольку указанное единство относится к интересу разума, последний полагает эти предметы, но не абсолютно, а в идее. Они не могут быть предметами опыта, поскольку у нас нет и не может быть для этого подходящих созерцаний, однако они,

тем не менее, выстраиваются *аналогично* предметам опыта. Эта аналогичность означает, в частности, что мы используем для этого категории рассудка. Действительно, Кант говорит: «... мы мыслим нечто такое, о чем мы понятия не имеем, каково оно само по себе, но отношение чего к совокупности явлений мы мыслим как аналогичное отношению явлений друг к другу» [Кант, 2006, с. 861]. Таким образом, хотя идея не может появиться в опыте, т. е. в явлении, она структурирована как предмет явления, т. е. выстроена с помощью категорий рассудка: «Понятия реальности, субстанции, причинности, даже понятия необходимости в бытии, если взять их вне того употребления, при котором они делают возможным эмпирическое познание предмета, не имеют значения, которое определяло бы какой-нибудь объект. [...] Тем не менее я могу допускать такую непонятную сущность – предмет чистой идеи – релятивно по отношению к чувственно воспринимаемому миру, но не как [имеющееся] само по себе» [Там же, с. 864]. Разум (руководствуясь своим интересом) полагает для трансцендентальных идей предметы и приписывает им свойства «как аналогичные рассудочным понятиям в эмпирическом употреблении. Поэтому я по аналогии с реальностями в мире, с субстанциями, каузальностью и необходимостью мыслю некое существо, обладающее всем этим во всей полноте» [Там же, с. 865]. Мы видим, что к идеям применяются категории, несмотря на то, что соответствующие предметы не могут быть даны в опыте. Это еще более ясно из следующих слов Канта: «В таком случае я мыслю себе эту высшую сущность исключительно посредством понятий, которые, собственно, имеют применение только в чувственно воспринимаемом мире; но так как указанное трансцендентальное предположение имеет у меня только относительное применение, а именно как субстрат возможно большего эмпирического единства, то я имею право мыслить существо, которое я отличаю от мира, приписывая ему свойства, принадлежащие только чувственно воспринимаемому миру» [Там же, с. 865]. В этом состоит своеобразие трансцендентальных идей – они структурированы как предмет опыта, но как бесконечный предмет, который не может быть дан в опыте. Можно предположить (к сожалению, текст Канта не позволяет судить об этом определенно), что регулирующая функция идеи состоит в том, что она служит пределом, к которому стремится поиск систематического единства явлений – пределом феноменов, который сам не является феноменом (*focus imaginarius*, как называет его Кант). Однако она также никак не может выступать в качестве ноумена в отрицательном смысле, т. е. как демаркационное понятие. Ее также неверно, вообще говоря, полагать как действительно существующую вещь (хотя в некоторых случаях это возможно, в других мы приходим к антиномиям). Таким образом, мы применяем категории за пределами феноменов, однако Кант предпринимает все предосторожности против понимания этого действия как попытки достижения знания о вещах самих по себе. Тем самым, он не приходит к противоречиям, о которых говорит Прист.

Важно заметить, что построение Канта исключает возникновение парадокса, который появился бы, если бы мы посчитали тотальность феноменов также феноменом. Хотя мы, безусловно, находим в трансцендентальных идеях бесконечный генератор, требующийся Присту, они не содержат необходимую для парадоксов циркулярность. В этом смысле предлагаемая Пристом пятая антиномия, построенная «по мотивам» Канта, на самом деле не повторяет его. Она фактически повторяет парадокс Бурали-Форти [см.: Прист, 2022, § 6.9] формальное изложение: [Там же, § 8.5], но требует шага, который Кант как раз не делает.

Вместо этого он разрабатывает набор понятий, которые помогают ему парадокса избежать. Сам Прист, впрочем, признает, что Кант мог бы подойти здесь к противоречию, но не подошел. Прист проделывает этот путь за Канта, но остается не вполне ясным, почему мы должны следовать за ним, если, как мы видели, различие позитивного и негативного смысла ноумена, специфический характер трансцендентальных идей позволяют Канту построить систему, в которой не возникает искомого Пристом противоречие (что, разумеется, не исключает других трудностей в этой системе).

Наконец, само понятие знания не является простым. У Канта мы можем встретить термины «познание» и «знание» в разных смыслах (см., например: Watkins and Willaschek, 2017] о различии у него Erkenntnis и Wissen). В большой классификации представлений [Кант, 2006, с. 485-487] идеи – т. е. чистые понятия, выходящие за пределы опыта, – относятся к познанию (cognitio, Erkenntnis). Познание в этом смысле не ограничено опытом. Возникает вопрос: когда Кант говорит об отсутствии познания ноуменов, то о каком познании идет речь? Как мы уже видели, он не отрицает их принципиальную познаваемость. То, что у нашей чувственности нет доступа к ноуменам, не означает, что не может быть других существ, обладающих таким доступом, способных, например, к интеллектуальному созерцанию или какому-то иному. Для них даже возможно понятие существования, отличное от категории существования рассудка (последняя определяется на основании ощущения, т. е. «материальных условий опыта»). Поэтому даже неприменимость категории существования к ноуменам не препятствует законности суждений об их существовании. Ситуация здесь аналогична трансцендентальной апперцепции, т. е. сознанию собственного Я. Хотя такое сознание не сопровождается созерцаниями и не может служить основанием опытного знания, это не мешает Канту (и нам) говорить о знании или существовании Я. На это можно было бы возразить, для чего имеются определенные основания, что мы, вероятно, сталкиваемся здесь с неясностью или даже противоречием у Канта, но в любом случае это требует анализа, которого мы не находим в книге Приста. Отрицание эмпирического (т. е. основанного на созерцаниях) знания ноумена не противоречит какому-то иному знанию о нем ([см., например: Ameriks, 2003, pp. 69 sq.] о ноуменах и возможности их познания у Канта). Свою философию Кант рассматривает не как эмпирическое, а как трансцендентальное исследование. Полученное в нем знание о ноуменах не обязано оформляться с помощью категорий, поэтому тезис о применимости последних только к феноменам, вообще говоря, не имеет к нему отношения. Например, Гуссерль говорит здесь об особом трансцендентальном опыте, который предполагает, возможно, другие категории. В любом случае, это не знание о ноуменах *как предметах*.

В итоге, тезис Приста о наличии противоречия в понятии ноумена и подчинении его Схеме Вложения (Трансценденция и Замыкание) оказывается необоснованным. Если под суждениями мы имеем в виду суждения рассудка, то неверным оказывается Замыкание: если Кант и применяет категории к ноуменам, то лишь по аналогии (*как если бы*). Если же под суждением мы имеем в виду суждения знания, понимаемого шире, то неверным оказывается Трансценденция: Кант судит о ноуменах и делает это вполне законно в рамках своей методологии. Это не означает, разумеется, что противоречия у Канта нет, а также того, что оно не подчиняется указанной Схеме, если оно есть. Это означает лишь, что аргументация Приста не достигает цели, чему препятствует, как мы видели, недостаточная ясность используемых им понятий.

Список литературы / References

- Кант, И. (1994). Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. 1783. Пер. с нем. В. С. Соловьева. *Сочинения. В 8 т. Т. 4.* М.: Чоро. С. 5-152.
- Kant, I. (1994). Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science. 1783. Solovyov, V. S. (transl.). In *Works. In 8 vols. Vol. 4.* Moscow. Pp. 5-152. (In Russ.)
- Кант, И. (2006). *Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума.* В 2 ч. Ч. 1. Под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: Наука. 1081 с.
- Kant, I. (2006). *Works in German and Russian. Vol. 2. Critique of pure reason.* In 2 parts. Pt. 1. Bushling, B., Motroshilova, N. (eds.). Moscow. 1081 p. (In Russ.)
- Прист, Г. (2022). *За пределами мысли.* Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 464 с.
- Priest, G. (2022). *Beyond the Limits of Thought.* Tselishchev, V. V. (transl.). Moscow. 464 p.
- Ameriks, K. (2003). *Interpreting Kant's Critiques.* Oxford. Oxford University Press. 359 p.
- Watkins, E. and Willaschek, M. (2017). Kant's Account of Cognition. *Journal of the History of Philosophy.* Vol. 55. No. 1. Pp. 83-112. DOI: 10.1353/hph.2017.0003.

Сведения об авторе / Information about the author

Доманов Олег Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: odomanov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024

После доработки: 20.05.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

Oleg Domanov – Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: odomanov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

The paper was submitted: 15.04.2024

Received after reworking: 20.05.2024

Accepted for publication: 03.06.2024